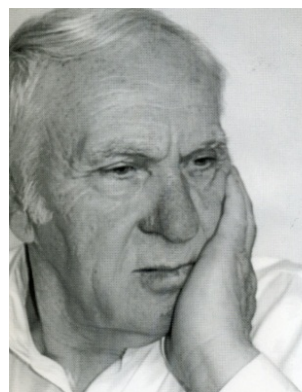

ПОЭЗИЯ: РИФМЫ И ОБРАЗЫ

Виктор Пахомов
(г. Тула)

ИЗ БИОГРАФИИ

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик, почетный гражданин города Тулы

ИЗ БИОГРАФИИ

«Вот где нам посчастливилось родиться» —
Сказал поэт. По-своему он прав.
Родиться — счастье, счастье пригодиться
Среди родных проселков и дубрав.

Мне повезло родиться не в столице,
А в глухомани сонной на Оке
И тем горжусь, что жвачные и птицы
До сей поры со мной накоротке.

А став ходить, уж не «валял я ваньку»,
Стерег козу и кроликов кормил,
Сестренкам меньшим был всегда за няньку,
Стирал пеленки, сказки говорил.

Потом война и горькое сиротство,
Учеба, служба — все, как и у всех.
Потуги чести, муки благородства
И первых книг понятный неуспех.

Переча обстоятельствам и свойству,
Не веря ни в какие «се ля ви»,
Учился я все годы не геройству,
Не мужеству, не гневу, а любви.

Любви к тебе, великая Держава —
Всего святого, доли общей щит,
Где все твое величие и слава
Нам, каждому и всем, принадлежит.

Входила ты в нас каждого не сразу
И в этом нас, кто хочет, осуди,
Но Родина не то, что мило глазу,
А то, что жжет и мучает в груди!

Что по волнам доставшейся эпохи,
Из сил последних на восход гребя,
При каждом своем выдохе и вдохе
Ее мы ощущаем, как себя...

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК СТИХОВ

Стихи для размышления,
Стихи для одного
Не надо разрешения
Поэта самого.

Рукой своей дрожащей
Я сборничек держу
В нем жизнь, мир настоящий,
Ступивший на межу.

Себя где не неволю,
Себе где господин
Где бегаю по полю
С друзьями и один.

Здесь ничего не слишком,
Не тронута бедой
Здесь я еще мальчишка
И мир весь молодой.

Где живы папа с мамой,
Где не лишен забот,
Отнюдь не лучший самый
Последний мирный год.

Он для победной цели
И никаких иных
Нас праведно поделит
На мертвых и живых.

Где медленно и зыбко
Свет меркнет егозы
От папиной улыбки
И маминой слезы...

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

У России душа — душ людских отражение.
На нее никакая не действует власть
И коль всюду идет наших душ разложение,
Ничего не мешает России пропасть.
Каждый сам за себя! Мы такие от века!
Душу — хочешь, спали, а не хочешь, изнежь!
Мера мер на земле — лишь душа человека,
И России душа — наш последний рубеж!
И не держится все лишь на мощи и силе.
Эта истина в нас до скончания дней:
Если плохо тебе, значит, плохо России.
Загляни в свою душу, прислушайся к ней...

ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ?

Что делать мне, село родное?
Не удержать слезу из глаз.
Ни ты, ни я тому виною,
Но кто тогда рассудит нас?

Пусты дворы, забыты пашни,
Вокруг вороны да бурьян.
Забыт и проклят день вчерашний,
Союз рабочих и крестьян.

Тоска, разор и запустенье
Зато в ушах: «О кей!», «Зер гут!»
Былого призрачные тени
За нами тащатся, бегут.

И смотрит день на все с испугом:
Где то, что теплится в золе,
То, что роднило нас друг с другом,
Что нас держало на земле?

Я обращусь к земле и к небу,
Но кто ответит, Бог ты мой,
На сей запрос: на чью потребу
Мы надругались над собой?

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы взлетаем выше проводов,
Выше крыш барачных и заборов.
Не осталось никаких следов
От фантазий наших, наших споров.

Мы в мечтах летали, так сказать.
Будни наши бедами мрачились.
Детство улетело, и летать
Взрослыми мы как-то разучились.

Время ныне — торжество жулья.
С ним ты не поладил, не ужился.
Вот и умер. Очередь моя...
Горбачев еще не застрелился.

В ЛУЧАХ

Все беды прошлого и драмы
В недремной памяти плывут...
Курганы, скрытые как шрамы,
О том свидетельствуют тут.
Какое странное смещение
Того, что было и что есть!
Все прибавляет ощущение
Неотразимого, как весть:
Неуспокоены народы,
Кругом — правеж,
Все на кону: земля и воды,
И небо тож!

И ворон, свой ясак взимая,
Совсем седой,
Что прилетел сюда с Мамаем,
С его Ордой.
Он с выси вниз скользит, как с горки,
Все замечая без труда,
И стойку суслика у норки,
И взлеты пеночки с гнезда.
Ему ль не знать, как сердце рвется,
Как всем отцам.
Он без добычи не вернется
К своим птенцам.
Еще живую жертву будет
Рвать на куски.
Бросать птенцам, и кто осудит
Его тоски,
Когда в усталости смертельной
Вновь с высоты
В луга направит взгляд прицельный,
Где бродишь ты...

СТАРУХИ

Потрескалась земля на знойном солнцепеке,
Вся в золотых волнах бежит под ветром рожь.
На солнце, на жаре горят девичьи щеки,
Попробуй, прикоснись — все губы обожжешь!
Старухи знают толк: сидят себе в тенечке.
И волноваться им нет никаких причин
На головах у них цветастые платочки,
Чтоб ветер не трепал приглаженных седин.

Они давно одни. Их старики в расходе:
Кто умер, кто убит, а кто сбежал к другой,
Но нет у них тоски, они в своем народе,
Они среди своих, и смерть к ним — ни ногой!
Их дети где-то там, в разумном этом мире
Творят свою судьбу, слать письма — недосуг.
Неважно даже где: в Москве или в Каире,
Приедут, прилетят обнять своих старух!
... А мама умерла. От горечи не скроюсь.
Начало есть всему, как есть всему предел.
Старух же проходя, всем кланяюсь я в пояс
Без них бы этот мир совсем осиротел!
Без них бы этот мир совсем сошел с катушек.
Давно б сгубил себя и все, что впереди.
Сын матери своей сильнее бомб и пушек,
Но не сильней любви, трепещущей в груди...

БОЖИЙ ДАР

Чтоб душа от боли не кричала,
Чтоб уйти и сгинуть без следа,
Ты идешь, не ведая куда,
Обреченный с самого начала.

Платишь за свое предназначение
Вызовом безжалостной судьбе.
Только это кажется тебе,
Что над головой твоей свечение!

Ты же сам признался, что внизу
Ни любви самой, ни вдохновенья.
Озарило блеском на мгновенье,
Словно прочерк молнии в грозу.

Все и приземленнее, и проще.
Божий дар совсем не от щедрот,
Божий дар, увы — наоборот —
Соловей, поющий в зимней роще...

ДОЖДЬ

Снега зимы сошли в свой срок.
Природа торопилась
Платить извечный свой оброк,
Но что-то не случилось.
Давились грохотом грома,
Жарю край давился.
Он чуть ли не сходил с ума,
Моля, чтоб дождь пролился!
Дождя молили деревья,
Посевы и посадки,
В лугах повызженных трава,

Ростки на каждой грядке.
Весна ль запуталась сама,
Дожди ли заплутали,—
Ни капли с неба! Но грома
Недаром грохотали.
И вот он хлынул, навесной,
Накрыв поля и доли,
Как и положено весной —
Холодный и тяжелый!
Он лил всю ночь, он лил весь день
Он ставил все на место.
И белоснежная сирень
Сияла, как невеста!
И уходил из сердца страх,
Что будем мы без хлеба.
Все зеленело на глазах
Под радугой в полнеба!
Все ликовало и цвело,
Торжествовало, пело.
И быть иначе не могло:
Вот в этом-то все дело!

* * *

Весна цветеньем пышет.
Блестит росой луг.
От яблонь, слив и вишен
Белым бело вокруг.
Леса и перелески
Не ждут гостей пока,
Зато в бегущем блеске
Манит, зовет река.
Не задержусь я в сборе,
Ты подожди, дружок!
Я с удочками вскоре
Приду на бережок.
И будет все как надо,
Ведь что ни говори,
Рыбалка нам награда,
Как щуке пескари.
Рыбалка нам в охоту,
Порядок на слуху:
Крупняк на сковородку,
А мелочь на уху!
Но главное не это:
Не рыба, не улов,
А то, что здесь с рассвета
Всегда хороший клев!
Клюет и карп, и жерех,
Порою даже рак.
И кто тому не верит,
Тот, право, не рыбак!

Константин Струков
(г. Тула)

МАША С ПЕРВОЙ ПАРТЫ

Член Союза писателей России, поэт, автор нескольких поэтических сборников.

Светлой памяти А. С. Рязанцевой

1. СТАРИК

В тесный вагон, в духоту трамвая
втиснулся по-стариковски упрямо
и на свободное место у входа
медленно и тяжело опустился.
Долго смотрел сквозь тусклые окна
на суету проносющихся улиц.
Под старомодной выцветшей кепкой
на загорелом челе проступили
капельки пота.
Он стер рукавом их.
Медленно, осторожно поднялся,
цепко схватившись рукой за поручень.
И по дрожащему полу трамвая
шел не спеша, наклонившись сутуло.
Только глаза его мне улыбнулись,
может быть, в чем-то хотели признаться.

* * *

Уже первые завядшие листочки,
Как предвестники печали.
Скоро осень и стихов осенних строчки
Прилетели, зазвучали.
Уже первые пронзительные капли
Предосенней непогоды
По стеклу оконному стекали,
Как стекают наши годы.
Солнце блики из-за туч бросало
Отголоски лета.
Как-то неуютно в мире стало,
Будто нет нам места.

Нет нам места в этом брэнном мире,
Непогоды буйство.
Даже нам в своей родной квартире
Неуютно, пусто.

* * *

Этот старик неказистый
жил в тесной квартире.
Так одиноко!
Рядом лишь кот его серый —
единственный в мире,
и тот лежебока.
Ужин нехитрый
готовил старик на кухне,
чтобы хоть как-то
голод тупой утолить
и довериться скуке.
Жить-то ведь надо...
Медленно ел эту пищу,
без аппетита.
Кот в это время
терся меж ног,
ождая, вестимо,
поощренья.
Он погрузился в глубокое кресло —
воспоминаний.
Будто сейчас все явилось, воскресло
перед глазами...

2. ДЕВОЧКА С КОСИЧКАМИ

Маша с первой парты — завитки волос.
Так хотелось за них дернуть незаметно!
Так хотелось пряди русых кос
Взять, погладить...
Ах, как сладок плод запретный!
Маша с первой парты — синева в глазах,
Нос чуть вздернутый
и брови взмыли в гневе.
От смущения румянец на щеках,
И смешно поджаты губы от волнения
Как хотелось бы сесть рядом и вдохнуть
Аромат хмельной ее очарованья!
В этой синеве, как в море, утонуть,
Рядом с нею ощутить ее дыханье!
Как он может сочинение писать,
Если взгляд смятенный к ней прикован?
Что-то написал, и сам не мог понять,
Вновь зачеркивал, записывая снова.
Стал писать о синеве в ее глазах,
От которой сердце, как от моря, млеет.

Стал писать о море, о крутых штормах,
С нею вместе он и их преодолет.
Все писал, писал, но, видно, невпопад,
Сочиненье не на тему получилось.
Но опять стремился мимолетный взгляд
К той, что на него за что-то злилась.

* * *

На Колхозной* годы детства проходили,
Где над сонмом крыш
клубился сизый дым.
Редкие в седой пыли автомобили
Громыхали по булыжным мостовым.
На Колхозной по весне благоухали
И сирени, и черемухи кусты.
Нити натянув, в заоблачные дали
Улетали змеи, полоща хвосты.
Девочки из школы, будто на параде,
По Колхозной шли, кокетливо неся
Школьные портфели, полные тетрадей,
И была веселой, шумной их стезя.
Шли за ними мальчики, смешно болтая,
Беглый взгляд на них бросая иногда.
Над Колхозной голубей домашних стаи
То кружились, то летели в никуда.
...Он один как будто выбился из группы
Одноклассников,
смотрел им хмуро вслед.
Знал он, что ведет себя наивно, глупо,
Но обиду затаил на целый свет.
Ведь она его опять не замечала,
Маша с первой парты, с синевою в глазах.
Так и шел он, то скрываясь, то встречая
Строгий взгляд и удивленье на устах.

* * *

Он на перемене к ней боялся подойти,
Но ловил ее глазами незаметно.
В голове опять рождался новый стих,
И писал тайком — но кратка перемена.
В тесной вешалке, среди курток и пальто
Курточку ее, пропахшую весною,
Замечал он издалека, как никто,
И тревожно сердце трепетало снова.
Подошел он к куртке, как бы невзначай
Незаметно подложил в карман записку.
В ней он признавался, что ее встречал
Часто после школы.

* Колхозная — ныне ул. им. Каминского в г. Туле.

Подходя к ней близко
Забывал слова, что ей хотел сказать...
Их в записке написал — всего три слова.
Вслух их вымолвить не может,
лишь глаза
Выдают смятение.
Только не готова
Теми же его словами одарить.
Главное сейчас не мальчики — уроки.
Хочет встречи он?
Да что с ним говорить!
Если с нею он такой смешной и робкий.

* * *

Вышел на улицу: снова тепло,
Снова ручьи разлились, зазвенели.
Вышел, подставил беспечно чело
Ветру шальному, веселой капли.
Сердце трепещет весне в унисон,
Будто зима в один день промелькнула...
Кончилось оцепененье и сон —
Маша сегодня ему улыбнулась.
«Хочешь меня проводить домой?
Хочешь?
Так жди меня там, в переулке...»
Шли они рядом... Он был сам не свой...
Соприкоснулись случайно их руки.
Пальчики только переплелись,
Будто сомкнулись их судьбы на вечер ...
Так бы прошли они вместе всю жизнь!
Но этот час их
был так быстротечен!

3. ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Осень глубокая в окна стучится —
Хлещет там дождь или мокрый снег
И по ночам почему-то не спится,
Или встает в беспокойном сне
Образ далекий, смешливо курносый,
Разные лица, множество лиц.
Таянье снега, весенние грозы
И вдохновенное пение птиц.
Но просыпаясь, опять за окном
Видит, как бьет по стеклу непогода.
Скоро зима накроет весь дом,
Скоро зима накроет весь город...

* * *

Прозвучал звонок последний, воспарил
Пробежал по коридорам отголоском.
Сколько лет он им веселие дарил,
Вереща в конце уроков звонко, броско.
Прозвучал звонок...
А слышалось: «Прощай!..»
Это детство с ними расставалось.
Прозвучал, как будто невзначай,
И настала тишина, и сердце сжалось.
Тень легла на блики юных лиц.
Дневника последняя страница
Кончилась и больше нет страниц.
И, увы, уже не повторится
Тот желанный первый теплый взгляд,
Первая улыбка откровенья.
И свиданья терпкий аромат,
И горячих губ прикосновение.
И теперь, хоть столько утекло
И воды, и времени,
Но греет
Тех свиданий дальнее тепло.
И вспоминается острее:
Маша с первой парты — синева в глазах,
Нос чуть вздернутый,
и брови взмыли в гневе;
От смущения румянец на щеках
И смешно поджаты губы от волнения...

Нина Попова
(г. Москва)

УСТАЛОЕ МОРЕ КОЛЫШЕТСЯ СОННО

Нина Попова живет в Москве. Окончила Московский государственный университет печати. Автор книг поэзии «В душе несем мы прожитого след...» и «На Земле все Любовью согрето!». Слушатель Высших литературных курсов Литературного института им. Горького — семинар Сорокина В. В. Занимается в литературных объединениях: «Вдохновение» — руководитель Авдеева Л. Е. и «На Никитской» — руководитель Бобров А. А. Член Союза писателей России.

Усталое море колыхается сонно,
В нем звезды купаются лишь невесомо,
Чуть скрипнул песок вдалеке под волною,
И снова все скрыто ночной тишиною.

Блестит лунный свет за причудливым мысом,
Покой на земле, ни тревоги, ни мысли,
Ни звука, ни слова, ни брошенных фраз,
Безмолвие это прекрасно сейчас.

И словно весь мир стал вокруг бесконечным,
Высокое небо спокойно и млечно.
И все в единении хрупком и нежном
В огромном пространстве — бескрайнем,
безбрежном!

* * *

Стонала музыка над морем серебристо,
Не затихал ее пронзительный надрыв,
Забилось сердце неподвластно мне и быстро,
Откликнувшись на тающий призыв.

Угасла музыка, но сердце все звучало,
Дрожало незатихшею струной,
И, ощущая всех начал начало,
В нем бился крови яростный прибой.

И рухнули преграды и границы,
Огромен и свободен этот свет!
Взметнулось сердце дикой, смелой птицей
Туда, где горизонтов вовсе нет!

ДЕТЯМ

Заматереют сыновья,
Усы пробьются и щетина,
И не нужна им буду я,
Найдется сердцу половина.

И станут редкими звонки,
И станут по ночам мне сниться
Их ножек первые шаги
И ямочки на детских лицах.

И будет каждый их приход
И важен для меня, и нужен.
Счастливым станет Новый Год,
Когда придут они на ужин.

Так, может быть, пока они
Из гнездышка не улетели,
Не пожалеть для них любви,
Чтоб и они любить умели.

И вот тогда, через года,
Их номер, как молитву, зная,
Я не услышу в трубке: « Да!
А, мама, ты... Сейчас я занят!»

КАРТИНА

Висит картина над кроватью —
Букет сирени в хрустале,
И силуэт в летящем платье,
И книга на резном столе.

А в свежесорванном букете
Синеют майские черты,
И дышат влажные соцветья,
Как возрожденные мечты.

* * *

Я стою на холме...
Дышит травами ночь,
Дремлет степь в тишине,
Звук уносится прочь.
Льет луна на ковыль
Фантастический свет,
Сеет звездную пыль
И частички комет.

ЗАКАТ

Закат над рекой,
Тишина и покой,
Бесшумно плывут облака,
А водная гладь
Готовится спать,
Прозрачна она и легка.
Течение бежит
И рябью дрожит,
Кольшется, как кружева.
И в этой тиши
Есть все для души
И лишними будут слова.

ЛЕТО

Моря свежее дыханье,
Зорь чудесная кайма,
Невозможность расставанья,
Чувств искрящих кутерьма.

И симфония природы,
И ненужность суеты,
Переменчивость погоды,
Осязаемость мечты.

Как церковное причастье,
Все в гармонии без слов —
Неизведанное счастье,
Заповедник сладких снов.

ГНЕЗДО ПАМЯТИ

I

Синяя калиточка,
Дворик старый мой,
По заросшим плиточкам
Я вернусь домой.

Ждет меня, горюнится,
Вишня у крыльца,
Приютила, умница,
В веточках скворца.

Он подрос и песенки
На весь двор поет.
По скрипучей лесенке
Я пройду вперед.

И открою в прошлое
Низенькую дверь,

Вспомню я хорошее
В памяти своей.

II

Все так же ходики стучат,
Скрипит протяжно половица,
И фотографии молчат,
А с них глядят родные лица.

Салфетка на резном столе
И тканый коврик на пороге,
Икона в старом серебре...
И здесь сошлись мои дороги,

И здесь исток моей реки,
И памяти гнездо хранится,
И бьются рода родники,
И хочется из них напиться.

ДЕТСТВО

Я детства аромат боюсь забыть,
Придумала себе простое средство —
Представила, что вдруг смогла купить
Билет на поезд, уходящий в детство.

И в подошедший призрачный экспресс
Я сяду среди сотен пассажиров,
И за окном мелькнет уснувший лес,
И озеро, и дом, в котором жили.

Там было на завалинке тепло,
И грело солнце бревнышек накаты,
И шурилось за ставнями стекло,
Баюкали спокойные закаты...

И было там такое все мое,
Такое до травиночки знакомо,
Что до сих пор душа моя поет
Мелодию родной земли и дома.

И чтобы через много-много лет
Смогла я снова в детство возвращаться,
Я сохраню волшебный тот билет,
Как пропуск свой в страну любви и счастья.

«ЗОНА ОТЧУЖДЕНИЯ»

Так и стоит теперь перед глазами:
Чернобыль, Припять, вдоль Полесья путь...
Не замолить перед иконой в храме,
И не стереть ничем, не зачеркнуть.

Здесь по бумагам — «зона отчуждения»,
На деле — зона горя и беды,
И тысяч жизней зона поражения,
И тысяч судеб стертые следы.

Здесь ядовито ветра дуновенье
И улицы так горестно пусты,
Здесь все живое выжгли за мгновенье
Лучи Полюны — ядерной звезды.

И звуки, что редки, на душу дают:
Дорогу рвут растущие кусты,
Вдруг с тихим стоном разломился гравий,
Шуршат, ржавея, Припяти мосты.

Жилище одинокое здесь страшно —
Провалены глазницы у домов,
Лишь знаки: «Радиация! Опасно!»,
Где раньше был уют и теплый кров...

И горькою насмешкой, без ответа,
Увидела я тут невдалеке
Скульптуру мускулистого атлета
И «мирный атом» в бронзовой руке.

ОСЕННИЙ КИЕВ

Под ноги падают каштаны
И красно-желтая листва,
И яблоками пахнут храмы,
А парки — дымом от костра.

Днепра широкие разливы
Соединил мостов пролет;
Склонились над водою ивы,
Где берега высокий взлет.

А Лавру бороздят туристы,
Везде звонят колокола,
И так прозрачны и лучисты
Небес осенних купола.

АФГАНСКИЕ ПИСЬМА

Здравствуй, мама! Как часто в Афгане мне снится,
Что по нашему лугу иду босиком,
И журчит так спокойно в овражке криница,
А земля будто пахнет парным молоком.

*Сыночек, родной, твои письма сегодня читала,
Хоть помню, конечно, их все наизусть.*

*Что же ты о себе всегда пишешь так мало?
Ты пишешь, я молчания больше боюсь.*

А у нас здесь весна, расцветают тюльпаны,
И колышут ветра это море цветов,
На вершине — снега, а в пустыне — барханы,
Все как будто застыло на срезе веков.

*Мой родной, я так много тебе написала,
Жду ответа, а его почему-то все нет,
В сельсовет я ходила и там узнавала,
Может быть, затерялся на почте ответ.*

Здравствуй, мама, подходит к концу это лето,
Понемногу и пыль, и жара улеглись,
Не волнуйся, когда не приходит ответа,
Каждый день за меня ты, родная, молись.

*Засыпаю, сынок, и встаю я с молитвой,
Целый день я шепчу, тихо Бога моля:
«Сохрани и спаси! Будь Ты сыну защитой,
И помилуй его — он один у меня...».*

Ты не плачь, потерпи еще самую малость,
Я ведь знаю, считаешь и ночи, и дни.
До приказа сто дней мне всего-то осталось!
Ты, родная, не плачь, пробегут и они.

*Осень... Стыло... И старого тополя ветки
Ветер рвет и бросает ко мне на порог.
Из центральных газет вырезаю заметки,
Вдруг мелькнет про тебя там хоть несколько строк?*

Знаешь, мама, колодец я наш вспоминаю,
Той прохладной воды мне б напиться сейчас!
Я верблюжью колючку кипятком заливаю,
И лишь фляга одна — весь дневной мой запас.

*Ты послушай, сынок, я прошу тебя снова,
Если очень устал или тяжело писать,
Напиши мне всего лишь одно только слово,
Что ты жив — и мне легче тебя будет ждать.*

Вот и вышел приказ, скоро борт до Ташкента,
А потом я на поезде — прямо домой,
И останутся в прошлом войска контингента,
И останутся в прошлом душманы и зной.

.....

А над миром, по-прежнему, солнце восходит
И весной птицы гнезда торопятся свить,
Только к матери письма давно не приходят
И не будут уже никогда приходить...

Алексей Селичкин
(г. Калуга)

НА ЛЬДИНЕ

Алексей Прокофьевич Селичкин родился 15 января 1952 года в д. Мурачевке Жиздринского района Калужской области. Окончил Жиздринскую среднюю школу № 2. С сентября 1969 г. по май 1990 г. жил, учился и работал на оборонном объекте под Челябинском. В 1971 г. Окончил с отличием ГПТУ-44 — кузницу кадров атомного цеха, в 1974 г. — Копейский горный техникум. Работал на первых атомных реакторах. Атомщик. Много ездил по командировкам в качестве ведущего инженера пусконаладочных работ по объектам Минатомэнерго и Минобороны.

НА ЛЬДИНЕ

Туман.
И дальше носа
не видать.
Льда
слой спасительный
все тоньше.

И мечется
бикфордовым шнуром
отчаянно
надежды фитилек,
не в силах высветить
ни айсберга,
ни суши.

ВЕК И СУДЬБА

Евгению Рудакову-Рудак

Все трудней одолеть жизни стынь.
Все больней сознавать невозвратное.
Жизнь, когда же ты станешь понятною?
Ты, славянская кровь, не остынь!

Нам еще журавлей ожидать,
и мечтать о высоком и радостном.
Защитит и укроет от гадостей
нас Господь, чтобы жизнь продолжать.

...Пахнет горечью. Это-полынь.
Пусть растет себе и умножается.
У России немало твердынь.
Век и наша судьба продолжаются.

ЗАДВОРКИ

Не всех согрело солнце на задворках:
медалям и поступкам — строгий счет.
В домах не все имели ставни-створки,
но знали всех и все наперечет.

Не всем хватало хлеба и одежды.
Росли с травой смышленные мальцы.
Куда девалась прежняя надежда —
не смогут дать ответа их отцы.

Не смогут... Время скомкало ответы.
Запретный плод жевала вся страна.
И там, где раньше пели песни ветры,
в хмельном угаре пляшет Сатана.

ГДЕ ВЫ ТЕПЕРЬ...

Где вы теперь, радетели страны,
что были не мостом, а наводненьем?
Кричали: «Нам поэты не нужны!..
Забудь, родной, свои стихосложенья».

И я горбатил много лет подряд,
хранил секреты каждой новой тонны,
не кланчил званий, грамот и наград,
обогащал своей стране плутоний.

Вы на меня смотрели свысока.
Я выжил в вашей жесткой круговерти:
пропитаны судьба и облака
дымящей прежде фабрикою смерти.

Живу. Дышу. Слагаю письмена.
И вас усмешкой легкой вспоминаю.
Другою стала жизнь, другой — страна.
Я — стихотворный ряд обогащаю.

В КЛАДБИЩЕНСКОЙ РОЩЕ

Кресты друг на друга похожи.
В кладбищенской роще покой.
Пришел. Я — сегодня прохожий
из жизни земной, непростой.

Приемлю как есть, объективно:
есть святость молитвенных слов.
Бывал — не скрываю — наивным,
бывало, что лез напролом.

Но пакостей в жизни не делал.
Считал неприличием спесь...
Ушедшему кланяюсь деду
в березовой рощице, здесь,

где столько измученных долей,
постылой российской судьбой
ушли, не досеявши поле,
ушли в поднебесный постой.

Их жизни причудливо схожи.
Им свыше дарован покой.
Я — к вам поклониться... прохожий,
проблемный насквозь и земной.

НЕ ПРО МЕНЯ

*20-летию вывода Советских войск
из Афганистана*

Не про меня: «Остался молодым...»
Не мне песок засыпал мертвы очи.
Но тот афганский и чеченский дым
ко мне течет густым покровом ночи.

Он стелется густою пеленой
над тихой речкой, над крылечком мамы.
Поди пойми: льет дождик проливной,
стоит ли память-дым в оконной раме.

Простите нас, что мы не извлекли
уроков из навязанных пороком.
Простите нас, что мы не помогли
закрыть вас там, на бруствере окопном.

* * *

*Удержи меня мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой...*

С. Есенин

В час, когда терзаемый презреньем,
забывая сытый каравай,
посещает душу озаренье,
неприметно, как-то невзначай.

И свою вселенскую работу
в час урочный выполнить успев,
вдруг уходит как-то беззаботно,
как негромкий песенный напев.

И тогда судьба необъяснима,
как с горы летящий снежный ком.
И тогда душа неодолимо
говорит восторженно с Творцом.

НИ СЕЛА, НИ ВЫСОКОЙ ОКОЛИЦЫ...

*По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.*

С. Есенин

Провожали на службу до расстаней.
Кто-то пел, кто-то, прячась, рыдал...
Не отыщешь оглобли и розвальни —
встали вороги на пьедестал.

Ни села, ни высокой околицы.
Потравили невзгоды народ.
Где вы, молодцы, добрые молодцы,
светло-русый, надежный оплот?!

Измордованы горьким отчаяньем.
Он — не смог. Выжил — я. Сдюжил — ты.
Толерантных речей назидание
уберите с последней черты.

Владимир Бурмыкин
(г. Тула)

БЕЛЫЕ НОЧИ

Владимир Михайлович Бурмыкин — заслуженный тренер России, заслуженный работник физической культуры Российской Федерации. Родился 16 августа 1946 г. В 1969 г. окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. После окончания института более 40 лет работает тренером-преподавателем по баскетболу в Детско-юношеской спортивной школе № 5 г. Тулы.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Ты помнишь ночи прошлым летом?
Заката свет и радугу цветов?
И я тебя на набережной встретил
Во время разведения мостов.

Была ль та встреча нам дана судьбою?
Случайность, может? Может быть, любовь?
И я с тех пор не ведаю покоя —
Я так хочу тебя увидеть вновь!

Прозрачны небеса той ночью были...
Меж берегов огнистых корабли
На север к морю плыли, плыли, плыли
И постепенно таяли вдали.

Но сердце верить в худшее не хочет,
Ты мне вернешь утраченный покой.
И встретившись такой же белой ночью,
Мы больше не расстанемся с тобой!

Прозрачны небеса той ночью были,
Меж берегов огнистых корабли
На север к морю плыли, плыли, плыли
И мы с тобой расстаться не могли...

* * *

О смысле жизни нету спора:
У каждого своя судьба...
Нужна так слабому опора,
Как сильному — важна борьба!

* * *

Я тебя невеселую встретил.
Не светился в глазах огонек.
Видно, трудно жила ты на свете,
И жесток был безжалостный рок

Полагая, что рада ты встрече,
Я сказал: «Был бы очень я рад,
Если б ты не сутулила плечи,
Если б видеть твой ласковый взгляд».

Не поверила. Взор опустила.
Будто стиснула душу в комок.
Мне хотелось, чтоб ты не грустила,
Жаль, помочь тебе в этом не смог...

* * *

Когда придет минута примиренья,
И ты готова близкого обнять,
Внезапно посещает озаренье:
Как можно было это не понять?

Ведь ты одна была дана мне богом!
Протянем же теперь друг другу руки!
С тобой мы шли всегда одной дорогой —
Так будем жить, забыв былые муки!

* * *

Ты всегда своей натурой
Устремлялась к высоте.
Но изменчива фортуна —
Ты осталась в пустоте.

Вряд ли стоит силы тратить,
Прорываясь к небесам:
Как оттуда больно падать,
Я, к несчастью, знаю сам.

Не стремись к химерам разным,
Душу попусту не рви;
Ты — красива, ты — прекрасна,
И спокойнее живи!

Улыбайся утром солнцу,
О прошедшем — не жалеи!
И прости, когда придется,
Оступившихся друзей.

* * *

На дорогу выехав прямую,
Погляжу на правый поворот.
Обгоню машину легковую
Устремляясь только лишь вперед!

Не страшат меня теперь преграды,
Что встречаю часто на пути
Мне достичь заветной цели надо —
Я хочу скорей тебя найти!

* * *

Ты меня сторонись при встрече,
Тщательно обходишь стороной.
Догорел камин, погасли свечи,
Я теперь — не близкий, не родной.

Будто бы живешь, уединяясь
И дичась назойливых мужчин,
Призрачной свободой упиваясь —
И других не вижу я причин.

Пусть гуляют люди по аллее,
Ты — не замечаешь встречных лиц,
Дескать, мной никто не овладеет,
Самой непроступной из девиц!

Нет, тебя не мучают сомненья,
И не раздражает громкий смех:
Ты не знаешь, в чем твое везенье,
Потому — отпугиваешь всех.

* * *

Смешное сердце! Бьется одиноко
И снова заставляет тело жить!
Ему отнюдь не хочется порока!
Оно зовет меня с тобой дружить!

Что толку выть и корчиться от боли?
Не время унижаться и страдать!
Собрав опять в кулак всю силу воли,
Возможно, научиться надо ждать.

Алексей Хомяков
(г. Донской)

В ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР ТИХИМ ДУНОВЕНЬЕМ

Алексей Степанович Хомяков (1929–2010) родился в селе Назаровка Алтайского края.

После школы окончил горный техникум в городе Прокопьевск. Впоследствии заочно окончил московский горный институт.

С начала 50-х годов года жил и работал в г. Карловы Вары (Чехословакия), куда попал по распределению после окончания учебы.

В 1957 году переехал с семьей в город Сталиногорск (ныне город Новомосковск Тульской области). Работал старшим маркшейдером на шахтах Тульской области. Чуть позже переехал в город Донской Тульской области, где работал на Ушаковском разрезе.

Кроме детей богат двумя внуками, двумя внучками, двумя правнучками и одним правнуком, названным в его честь Алексеем.

Сохранилась коллекция минералов, собранная Алексеем Степановичем, а также книги по истории камней, геологии; огромная домашняя библиотека.

Всю жизнь кроме работы он занимался метеонаблюдениями: собирал, записывал, анализировал данные; и на основании этих данных делал почти безошибочные прогнозы, которые помогали ему в другом не менее любимом деле — садоводстве и огородничестве.

Рассказывает Ирина Хомякова, внучка Алексея Степановича, постоянный автор нашего журнала: «О том, что дедушка пишет стихи, я узнала случайно (когда показала ему свои стихи). Он никогда не рассказывал об этом. Долгое время поиски хотя бы черновиков оставались безуспешными. Но вот, летом 2010 года, папа нашел блокнот с его сохранившимися стихотворениями. Большинство из них датировано 1945-1948 годами. Основной темой юношеских стихов стали человеческие отношения, переживания, чувства; а также родной край».

В теплый вечер тихим дуновеньем
Ветерок рождает мне тебя:
Этим нежным ласковым мгновеньем
Он щекочет, кудри шевеля.

А луна, свидетель молчаливый,
Бледным светом скрадывает суть...
И ложусь, как прежде, я счастливый,
Чтобы образ милый не спугнуть.

Предо мной встаешь ты, как живая,
В звездах вижу блеск чудесных глаз.
Лишь ночные шорохи, играя,
В шутку иногда пугают нас.

Так вдвоем, перед зарей прохладной,
Застает в объятьях нас туман...
Снова день жестокий безотрадный
Отбирает сказочный обман.

Я обещать, любимая, не стану:
Ведь я не знаю, будет что со мной.
Когда с судьбой бороться я устану,
Тогда скажу, что больше уж не твой.

Твой милый взор и нежная забота
Навек уйдут, как призрак, от меня,
И я завьюсь в кругу пустоворота,
Судьбу и жизнь, и сам себя кляня.

Тогда, как прежде, я уж не посмею
Прильнуть к твоей пылающей груди.
И грусть твою прогнать я не сумею...
Твой взор холодный скажет: «Уходи».

И я уйду, ни слова не сказавши,
Уйду, поникнув буйной головой,
Уйду больной, измученный, уставший,
И больше мы не встретимся с тобой.

Я НЕ СКАЖУ ТЕБЕ...

Я не скажу тебе — «вернись».
Ты далеко ушла и безвозвратно.
Я не скажу — мне в верности клянись.
Как жаль, что в этой жизни все превратно...

Я не скажу, как сильно я люблю,
Как больно было в час твоей измены.
И помню я тебя или забыл —
Теперь словам не сделать перемены.

Быть может, жалким я тебе кажусь,
И ты раскаялась в презренном шаге.
Не нужно слов — «я вновь к тебе вернусь»,
Не верю я твоей соленой влаге.

Я не скажу тебе, кто виноват.
Ты изменила мне небезрассудно.
Теперь не может быть пути назад, —
Любить, не веря, — это очень трудно.

Я не скажу, простил я или нет,
Погасла месть или горит, сжигая.
Я не судья, а только лишь поэт...
Мы встретимся. А как нам быть — узнаем.

МАТЕРИ

Только ты, моя старушка-мать,
Обо мне нисколько не забыла,
Всей душою хочешь приласкать
Еще больше, чем когда-то было.

Плачешь ты, и сны твои тревожны,
Каждый шорох стал тебя пугать.
Ждешь, родная, тно небезнадежно —
Будет день, пойдешь меня встречать.

Наяву, а не во сне то будет:
Я вернусь к тебе, родная мать.
Боль разлуки сердце позабудет:
Снова сможешь сына ты обнять.

* * *

Он так привык, и все так мило
Казалось с детства... но — увы!
Теперь же чувство то остыло
И даль прекрасной синевы
Теперь ничем уж не манила.

Бывало утром, в час прохладный,
Когда земным владеет сон,
Восхода ждет с мечтой отрадной,
И лучик солнца, друг желанный,
Зарей взойдет на небосклон.

Прошли те дни, промчались ночи,
К концу подходит жизни путь,
Потускли старческие очи,
Но он, как прежде, солнца хочет
И выйдет на Восток взглянуть.

* * *

Одна мне пишет — «нрависься»,
Другая — «золотой»,
Но ты ведь не откажешься,
Что я любимый твой?

А если есть сомнения...
Скажу: — Не загрущу!
Любить тебя нет времени,
Другую разыщу!

ГИТАРА

Эх, гитара, скажи не скрывая,
С кем гуляет подруга моя;
Все мне тайны открой, дорогая,
Ни аккорда в себе не тая.

Все разделим с тобою, родная,
И тоску воедино сольем.
Так звени же, звени, дорогая,
Может, счастье, однако, найдем.

Пусть подруга сегодня изменит,
И несчастий потянется нить,
Но никто никогда не сумеет
Нас на веки с тобой разлучить.

Пой, гитара моя, не смолкая,
Ни аккорда в себе не тая.
Ты звени и звени, дорогая,
Семиструнная радость моя!

Вера Абакумова
(г. Тула)

ТРИ ВЕКА СЛАВЫ
(К 300-летию Тульского оружейного завода)

Вера Константиновна Абакумова — ветеран труда и ветеран Тульского оружейного завода. В «ПЗ» публикуется впервые.

Три века укреплял ты славу,
Рабочей Тулы гордость и оплот,
В России Первым названный по праву —
Старинный Оружейный наш завод!
Ствол, два клинка и молоточки
На городском гербе не заменить:
В Указе царском сделан выбор точный —
И мастерство свое нам не забыть!

Отцом был «Оружейный старый»
Для именитых русских мастеров:
Вам слава — Мосин, Токарев, Макаров,
Березин, Стечкин, Грязев, Шипунов!..
Здесь дух Левши живет поныне,
Хозяйский нрав Демидовых живет —
Навеки с нами тульские святыни
И Флагман наш — прославленный Завод!

Пройдя сквозь мировые войны
И не предав традиций вековых,
Любимый город жил всегда спокойно
Под залпы испытаний заводских.
Пусть времена пришли иные,
Трудились три столетия мы не зря:
Как флаг у входа в наши проходные —
Проженный фартук бронзовый царя!

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ДОБРОМУ ДОКТОРУ

*Вячеславу Викторовичу Менжинскому,
врачу-терапевту гор. поликлиники № 5 г. Тулы*

Скоро сорок лет,
Как поэт здоров,
И в округе нет
Лучше докторов.

Сколько ты помог,
Из костлявых лап
Вырвал, уберег,
Добрый Эскулап!

Главному врачу
Жизни моя
Книжечку вручу
На приеме я.

Лирой и борьбой,
Чем душа бурлит,
Поделюсь с тобой,
Добрый Айболит.

